

Гэлбрейт пишет с необычными для детективного жанра юмором и теплотой; он столь умело проводит нас через все хитросплетения сюжета, что мы теряем счет времени.

The Seattle Times

Корморан Страйк одним своим появлением полностью захватывает воображение читателей... Талант Гэлбрейта проявляется в том, как он описывает жизнь Лондона и как создает нового героя.

Daily Mail

За спиной у Страйка — героическое прошлое. Он и сейчас то и дело проявляет героизм, хотя абсолютно к этому не стремится. Внебрачный сын стареющего рок-идола, он никогда не пользовался теми благами, какие достаются его сводным братьям и сестрам... Он много размышляет, но это получается у него совершенно органично. У Страйка огромный потенциал. Было бы преступлением не обратить на него внимания.

Daily News

Страйк и его помощница Робин (играющая ту же роль, которую Саландер играла для Блумквиста в книгах Стига Ларссона) становятся настоящей командой, чьих дальнейших приключений читатель будет каждый раз ждать с нетерпением.

New York Times

Невероятно увлекательный сюжет, основанный на трогательных взаимоотношениях. Книга проглатывается залпом.

The Telegraph

Чрезвычайно сильная история... «Зов Кукушки» оказался визитной карточкой для целой серии романов и напомнил мне, почему я в свое время без памяти влюбилась в детективный жанр.

Вэл Макдермид (Guardian)

Откладывать эту книгу было сущей мукой — так мне хотелось знать, что будет дальше. Гэлбрейт — мастер психологического портрета, герои романа вставали передо мной как живые. «Зов Кукушки» — моя новая любовь, а Гэлбрейт — выдающийся новый талант.

Питер Джеймс (Sunday Express)

Детектив, от которого невозможно оторваться.

Financial Times

А вот и лучший переводной детектив сезона, и не только из-за сногшибательной интриги — уровень рассказчицкой культуры очень высок: трехмерные, врезающиеся в память персонажи, отличные диалоги, остроумные авторские комментарии.

Aftunna Daily

Если вам нравятся атмосферно-психологические романы-загадки Кейт Аткинсон и Таны Френч, тогда Роберт Гэлбрейт — ваш выбор. А закрутить интригу он умеет не хуже, чем Дж. К. Роулинг.

Dallas Morning News

Корморан Страйк и Робин Эллакотт — пожалуй, лучший дуэт сыщика и его помощника в современной детективной литературе.

The Seattle Times

«Смертельная белизна» — казалось бы, огромный роман, а пролетает за одно мгновение.

USA Today

Читаешь «Смертельную белизну» — и временами возникает ощущение сродни тому, что было при чтении книг о Гарри Поттере, особенно поздних, более объемистых: ты уже полюбил героев как родных, и хочешь насладиться их компанией как можно дольше, и чтобы никто не торопил.

New York Times

Рассчитываешь в первую очередь на лихую детективную интригу — и ты ее, конечно, получаешь, но постепенно осознаешь, что динамика отношений между Кормораном и Робин занимает тебя едва ли не больше.

Independent

Смело, стильно, изощренно.

Times

*Посвящается Дэй и Роджеру,
а также памяти чудесного белого Спайка*

Пролог

Счастье, дорогая Ребекка, счастье — это прежде всего тихое, радостное сознание, что совесть твоя свободна от вины.

Генрик Ибсен. Росмерсхольм¹

Если бы пара лебедей плыла по темно-зеленой глади озера бок о бок, эта фотография стала бы венцом карьеры свадебного фотографа.

Ему страшно не хотелось менять расстановку новобрачных, потому что мягкий свет под сенью деревьев превращал невесту с ее золотисто-рыжими локонами, рассыпавшимися по плечам, в прерафаэлитского ангела и выигрышно оттенял точеные скулы жениха. Фотограф уже не помнил, когда ему доводилось снимать такую эффектную пару. С этими новобрачными, мистером и миссис Мэтью Канлифф, можно было не прибегать к разного рода ухищрениям, когда, например, невесту деликатно разворачивают так, чтобы скрыть жировые складки на боках (вообще говоря, этой не помешало бы слегка подкормиться, но на фотографиях такие худощавые фигуры смотрятся классно), а жениху предлагают «попробовать еще разок, с закрытым ртом», — слава богу, зубы у мистера Канлиффа ровные, без дефектов. Единственное, что требовалось скрыть, — но перед печатью такие вещи легко убираются в графическом редакторе — это уродливый шрам на предплечье у невесты: совсем свежий, синюшно-лиловый, с черными

¹ Здесь и далее — перев. П. Ганзена и А. Ганзен (в ряде случаев — с изменениями).

точками от наложенных швов. Утром, когда фотограф приехал в дом родителей невесты, рука ее покоилась в эластичной защитной лангетке. Перед фотосессией девушка ее сняла; фотограф вздрогнул. Ему даже подумалось: уж не совершила ли она перед свадьбой неудачную попытку самоубийства — в его практике бывало и такое. Как-никак, двадцать лет в профессии.

— На меня напали, — объяснила ему миссис Канлифф, точнее, Робин Эллакотт (два часа назад ее звали именно так).

Фотограф, натура впечатлительная, с трудом отогнал от себя мысленный образ стального клинка, вспарывающего эту мягкую бледную кожу. Хорошо, что сейчас уродливую отметину скрывали чайные розы — букет невесты.

Лебеди, будь они неладны. Если бы с заднего плана исчезли оба разом, он бы не возражал, но один то и дело нырял, и его пушистая остроконечная гузка торчала посреди озера пернатым айсбергом, да еще подергивалась, создавая на воде рябь, которую не так-то просто удалить в фотопроцессоре, вопреки мнению молодого мистера Канлиффа, предложившего такой способ. Между тем второй лебедь по-прежнему жался к берегу: да, грациозный, да, безмятежный, но в кадр не влезал, хоть ты тресни.

— Ну как, получилось? — с явным нетерпением поинтересовалась невеста.

— Ты просто красотулячка, цветик мой, — высказался из-за спины фотографа отец жениха, Джефффри. Не иначе как уже подвыпивший.

Из-под тенистых деревьев за фотосъемкой наблюдали родители новобрачных, шафер и подружки невесты. Самая младшая, совсем еще кроха, которая все время порывалась бросать в воду камешки, теперь закапризничала в ответ на досадливое шиканье матери.

— Закончили? — спросила Робин, не снисходя до свекра.

— Почти, — солгал фотограф. — Развернитесь, пожалуйста, к нему чуть больше, Робин. Вот так. Обворотно и широко улыбаемся. Ну же... улыбаемся.

Между женихом и невестой висела некоторая напряженность, какую не спишешь на счет волнения перед объективом камеры. Фотографа это не волновало. В конце-то концов, он же не консультант по вопросам брака и семьи. Бывало, новобрачные, не стесняясь его присутствия, начинали выяснять отношения, пока он настраивал выдержку. Одна невеста со скандалом убежала из-за свадебного стола. Чтобы позабавить друзей, фотограф сохранил нечеткий снимок 1998 года, на котором жених бьет своего друга-шафера лбом в переносицу.

Канлиффы, надо признать, оказались красивой парой, но шансы их он оценивал невысоко. А уж этот длинный шрам на предплечье невесты... брр. Во всей сегодняшней церемонии фотографу виделось что-то злое и нездоровое.

— Довольно, — заявил вдруг жених, отпуская от себя Робин. — Снимков уже достаточно, правда ведь?

— Погодите, погодите, второй подгробает, — воспротивился фотограф.

В тот самый миг, когда Мэтью отстранился от Робин, плававший у берега лебедь стал подплывать к другому по темно-зеленой воде.

— Вот паразиты, прямо как назло, глядите, Линда, — хохотнул Джеффри, обращаясь к новоявленной сватье. — Чертовы птицы.

— Это уже будет лишнее, — осадила фотографа Робин, поддергивая длинную юбку, которая волочилась по земле из-за недостаточно высоких каблучков-шпилек. — Наверняка хоть что-нибудь да получилось.

Она вышла из рощицы на слепящий солнечный свет и по лужайке направилась к замку семнадцатого века, где ждали гости, потягивая шампанское и любуясь живописными окрестностями.

— У нее, наверное, рука болит, — поделилась мать невесты с отцом жениха.

«Ага, конечно, рука, — буркнул про себя фотограф с каким-то мстительным удовольствием. — В машине всю дорогу собачились».

При выходе из церкви молодая пара, осыпаемая пригоршнями конфетти, выглядела вполне счастливой, но по прибытии в загородный отель жених с невестой словно окаменели — как видно, с трудом подавляли раздражение.

— После свадьбы заживет, — беспечно отозвался Джеффри. — Ей бы сейчас бокальчик пропустить. За компанию с тобой, Мэтт.

Мэтью поспешил через газон за молодой женой, неуверенно двигавшейся на шпильках. Следом потянулась вся компания, и мятного цвета шифоновые платья подружек невесты подернулись рябью на горячем ветру.

— Робин, нам надо поговорить.

— Ну говори.

— Может, ты на минутку остановишься?

— Если я остановлюсь, нас тут же настигнет вся толпа.

Мэтью оглянулся. Она была права.

— Робин...

— *Руку не трогай!*

На жаре рана стала пульсировать. Робин дорого бы дала, чтобы залезть в дорожную сумку, где осталась прочная защитная лангетка, но все вещи унесли в люкс для новобрачных, то есть неизвестно куда.

Отель уже был в пределах видимости; гости скопились на теневой стороне. Каждую из женщин нетрудно было распознать по шляпке. Тетушка Мэтью, «тетя Сью», нацепила на голову ярко-синее тележное колесо, а Дженни, золовка Робин, — устрашающее сооружение из желтых перьев. В свою очередь, мужчины, все как

один в темных костюмах, сливались в неразличимую массу. Если и находился среди них Корморан Страйк, отличить его от других не представлялось возможным.

— Да постой же ты, — взмолился Мэтью; они слишком оторвались от родственников, которые подстраивали шаг под самую младшую подружку невесты.

Робин помедлила.

— Я был неприятно поражен, когда его увидел, вот и все.

— А я, по-твоему, заранее знала, что он примчится на венчание и опрокинет цветы? — вспыхнула Робин.

Возможно, Мэтью и стерпел бы такую резкость, если бы не улыбка, которую тщетно пыталась скрыть его молодая жена. Он не забыл, как просияла Робин, когда в церковь ввалился ее бывший начальник. Мэтью не собирался прощать ее за то, что она, стоя рядом с ним у алтаря и отвечая «согласна», не сводила глаз с этого востропанного громила — Корморана Страйка. Наверняка и гости заметили, как она вдруг расцвела.

Родственники прибавили шагу. Мэтью осторожно взял Робин под локоть в паре дюймов от шрама и повел ее дальше. Она без сопротивления двинулась вперед, но он заподозрил, что ее просто тянет поближе к Страйку.

— Я тебе еще в машине сказал: если решишь и дальше на него работать, то будешь...

— ...последней дурой, — подхватила Робин.

С этого расстояния уже можно было различить фигуры мужчин, ожидавших на террасе; Робин поискала глазами Страйка, но безуспешно. А ведь он крупнее их всех. И должен возвышаться над ее братьями и дядюшками, в каждом из которых — не менее шести футов роста. Ее ликование, недавно вспыхнувшее от одного вида Страйка, упало, как неоперившийся птенец под струями дождя. По-видимому, сразу после венчания Страйк исчез — не пожелал втискиваться в микроавтобус и вместе со всеми ехать в отель. Его недолгое присутствие

означало не более чем жест доброй воли. И зазывать ее обратно в свою контору он вовсе не собирался, а просто решил поздравить с началом семейной жизни.

— Слушай, — заговорил Мэтью с большей теплотой в голосе; очевидно, подумала Робин, он и сам пришел к такому же выводу, когда обвел глазами толпу собравшихся и не увидел Страйка. — В машине я хотел сказать тебе только одно: окончательное решение за тобой, Робин. Если он хотел... если он хочет тебя вернуть... господи, да я просто встревожился. Ведь работать с ним небезопасно, правда?

— Правда, — сказала Робин, ощущая пульсацию резаной раны. — Небезопасно.

Обернувшись к родственникам, она остановилась и стала их поджидать. Сладковато-пряный запах горячей травы обволакивал ей ноздри, а солнце нещадно жгло открытые плечи.

— Хочешь пойти за ручку с тетей Робин? — раздался голос сестры Мэтью.

Послушная крошка Грейс дернула Робин за пропортовую ножом руку; Робин вскрикнула от боли.

— Ой, прости, Робин, прости... Иди ко мне, Грейси...

— Шампанское! — объявил Джеффри, приобнял Робин за плечи и направил в сторону истомившихся гостей.

Как и ожидал Страйк, мужской туалет в этой шикарной загородной гостинице отличался стерильной чистотой и отсутствием запаха. В прохладную кабинку впору было зайти с пивом, но тогда окружающие уж точно заподозрили бы в нем гнусного алкоголика, выпущенного под залог из тюрьмы по особому случаю. Вытянувшиеся за гостиничной стойкой служащие все же поверили, что он приглашен на свадьбу, хотя и смотрели на него весьма скептически.

Даже в безмятежном расположении духа Страйк отпугивал посторонних своей грозной фигурой, сумрач-

ным выражением лица и боксерским профилем. А сегодня у него и вовсе был такой вид, будто он только что ушел с ринга. Сломанный нос побагровел и раздулся вдвое, глаза едва открывались из-за кровоподтеков, распухшее, оттопыренное ухо чернело точками свежих швов. Хорошо еще, что резанные раны, исполозовавшие кисть руки, скрывались под бинтами, но жеваный костюм, причем единственный, пестрел винными пятнами, поскольку не извлекался на свет после одной давней истории. Похвалиться Страйк мог лишь тем, что, впопыхах собираясь в Йоркшир, чудом не надел ботинки от разных пар.

Он смежил распухшие веки и на миг склонил голову к холодной стене. От изнеможения его разморило прямо на унитазе. Но вздремнуть нечего было и думать: ему предстояло накоротке переговорить с Робин, получить — а если понадобится, то вымолить — прощение за свое самодурство и убедить ее вернуться к работе. В церкви, когда их глаза встретились, ему показалось, что у нее во взгляде вспыхнула радость. Затем, поравнявшись с ним в проходе, она, бесспорно, просияла, и он поспешил вернуться напрямик, через церковное кладбище, к автостоянке, чтобы дать указание своему другу Штырю, кемарившему в благоприобретенном «мерседесе», следовать за вереницей микроавтобусов на свадебный банкет.

Страйку совершенно не хотелось сидеть за столом, а после выслушивать душеспитательные речи, тем более что он даже не потрудился ответить на приглашение, которое получил перед тем, как указать Робин на дверь. Ему всего-то и нужно было перебраться с нею парой слов, но до сих пор такой возможности не представилось. Он уже забыл, что свадьбы проходят строго по регламенту. Пытаясь отыскать Робин в толпе на террасе, он ловил на себе любопытные взгляды сотни гостей. Отказавшись от ненавистного шампанского, Страйк ретировался в бар, где рассчитывал взять пинту пива. За ним пошел темноволосый парнишка, внешне чем-то

напоминавший Робин, а следом увязались и другие юнцы, причем все как один таращились на Страйка с плохо скрываемым любопытством.

— Вы ведь Страйк? — уточнил парнишка.

Сыщик не стал отрицать.

— Мартин Эллакотт, — представился его собеседник. — Брат Робин.

— Очень приятно, — сказал Страйк и поднял забинтованную ладонь, тем самым уклонившись от рукопожатия. — А где, кстати, она, не знаешь?

— Фоткается, — ответил Мартин, не расстававшийся с айфоном. — Про вас по всем каналам трубят. Вы поймали Шеклуэллского Потрошителя.

— А, — отозвался Страйк. — Ну да.

Хотя ладонь и ухо терзала боль от незатянувшихся ран, ему казалось, что кровавая схватка, случившаяся полсуток назад, давно канула в прошлое. Контраст между грязным логовом, где он загнал в угол убийцу, и этим четырехзвездочным отелем был настолько разителен, что эти две реальности никак не сливались воедино.

В баре неожиданно появилась светловолосая молодая дама в затейливом воздушном наряде, трепетавшем от малейшего движения. Незнакомка, тоже державшая в руке телефон, быстро оглядела Страйка с головы до ног и сверила его облик с картинкой на экране.

— Прошу прощения, мне отлить надо, — сказал Страйк Мартину и улизнул, не готовый к новым знакомствам.

Тогда-то, под настороженными взглядами персонала, он и прошагал мимо стойки, чтобы скрыться в туалете.

Уже в который раз зевнув, Страйк посмотрел на часы. Надо думать, к этому времени Робин успела нафотографироваться всласть. Выданное в клинике болеутоляющее давно перестало действовать; морщась от боли, Страйк встал, отпер дверь и пошел обратно тем же путем, под теми же косыми взглядами.

В торце пустого банкетного зала расположился струнный квартет. Зазвучала музыка, и гости начали выстраиваться в очередь для поздравления молодых при входе в зал; Робин подумала, что сама, по всей видимости, согласилась на такой обряд при обсуждении деталей бракосочетания. Устранившись от организации торжеств, она теперь получала сюрприз за сюрпризом. Например, у нее совершенно вылетело из головы, что фотосессия должна состояться не у церкви, а у отеля. Не умчись она в «даймлере» сразу после венчания, ей, вероятно, удалось бы подойти к Страйку и получить — а если понадобится, то вымолить — разрешение вернуться к работе. Но он исчез без единого слова, и она уже не знала, хватит ли у нее мужества или смирения, чтобы обратиться к нему с просьбой.

После залитого солнцем сада отделанный натуральным деревом зал с парчовыми шторами и картинами в золоченых рамах выглядел мрачновато. Воздух будто загустел от аромата цветочных композиций; на белоснежных скатертях мерцали бокалы и столовое серебро. Доносившиеся из этого гулкого деревянного короба звуки струнного квартета, поначалу, казалось бы, мощные, утонули в людском гомоне: разогретые шампанским и пивом гости, смеясь и болтая, топали по ступеням и останавливались на галерее.

— Час пробил, — рокотал Джеффри, который, похоже, воодушевился больше всех. — Запускаем!

По мнению Робин, ее свекровь, доживи она до этого дня, не позволила бы Джеффри так распоясаться. Ныне покойная миссис Канлифф могла кого угодно пригвоздить надменно-ледяным взглядом, а то и ткнуть локтем в бок, чтобы пресечь буйство эмоций. Сестра миссис Канлифф, Сью, оказалась первой в очереди у входа, но принесла с собой едва заметный холодок: она давно претендовала на место за главным столом, но в приглашении увидела совсем не то.

— Какие ощущения, Робин? — прощепетала она и чмокнула воздух у самого уха невесты.

Испытывая подавленность, опустошение, чувство вины — что угодно, только не ощущение счастья, — Робин вдруг осознала, какую неприязнь питает к ней эта женщина, ее новоиспеченная тетка по мужу.

— Милое платье, — продолжала Сью, но ее вниманием уже завладел красавец Мэтью. — Как печально, что твоя бедная мама... — Тетка не договорила и, всхлипнув, зарылась лицом в носовой платочек, который держала наготове.

С улыбками, поцелуями и рукопожатиями в зал тянулись друзья и родные. Джеффри путался у всех под ногами, медвежьей хваткой стискивая каждого, кто не оказывал решительного сопротивления.

— Приехал все-таки, — выговорила Кэти, любимая кузина Робин.

Не будь она на сносях, ее определенно включили бы в число подружек невесты. Но сегодня у нее как раз подошел срок. Робин не понимала, как двоюродную сестру еще держат ноги. Когда та подалась вперед для поцелуя, живот ее оказался твердым, как арбуз.

— Кто приехал? — переспросила Робин, когда Кэти уже сделала шаг в сторону, чтобы обнять Мэтью.

— Да босс твой, Страйк. Мартин так перед ним распинался, когда...

— Если не ошибаюсь, Кэти, твой столик вот там. — Мэтью направил ее куда-то в середину зала. — Тебе не полезно стоять на ногах, тем более в такую жару. Ты присаживайся, хорошо?

У Робин даже не отпечталось в памяти, кто еще проходил мимо нее в зал. На все поздравления и пожелания она отвечала невпопад, то и дело косясь на входную дверь. Неужели Кэти действительно имела в виду, что Страйк находится здесь, в отеле? Значит, из церкви он ехал за ними? И куда же он подевался? Где прячется? Она высматривала его повсюду: на террасе, в коридорах, в баре. Надежда, едва забрезжив, угасала. Не иначе как

Мартин отпугнул его своей бестактностью. Впрочем, она тут же напомнила себе, что Страйк не из пугливых, и надежда вспыхнула с новой силой, но, пока внутренний голос Робин метался между ожиданием и страхом, у нее не получалось изображать традиционные свадебные чувства, отсутствие которых, по всей видимости, не укрылось от раздосадованного Мэтью.

— Мартин! — Робин обрадовалась появлению младшего брата, хотя тот уже явно перебрал в компании своих дружков.

— Ты, конечно, в курсе? — Мартин не сомневался в ее осведомленности.

Как всегда, он держал в руке мобильник. Накануне младший брат невесты заночевал у кого-то из приятелей, чтобы в его спальне могли разместиться дальние родственники «откуда-то с Юга».

— В курсе чего?

— Этой ночью он задержал Потрошителя.

Мартин вывел на экран страницу новостей. При виде Потрошителя Робин ахнула. У нее в предплечье пульсировала рана от его ножа.

— Он и сейчас здесь? — Робин отбросила всякое притворство. — Я о Страйке. Он собирался остаться, Марти?

— Боже правый! — вырвалось у Мэтью.

— Извиняюсь. — Мартин только сейчас отметил раздражение Мэтью. — Из-за меня очередь застопорилась.

На заплетающихся ногах он отошел. Робин обернулась посмотреть на Мэтью и увидела, как у него на лице, будто на термическом изображении, проступают угрызения совести.

— Ты знал, — выговорила она и стала рассеянно пожимать руку престарелой родственнице, явно ожидавшей поцелуя.

— Что я знал? — вспыхнул Мэтью.

— Что Страйк задержал...

Но ее внимания уже настойчиво требовал Том — университетский друг, а ныне коллега Мэтью, приехавший со своей невестой по имени Сара. Но Робин почти не разбирала слов Тома: она смотрела через его плечо на дверь, надеясь увидеть Страйка.

— Ты знал, — повторила она, когда Том и Сара отошли. Но разговор опять прервался: Джеффри приветствовал двоюродного брата-канадца. — Скажешь нет?

— Утром краем уха слышал что-то в новостях, — прошипел Мэтью. Его лицо превратилось в жесткую маску, когда он поверх головы Робин посмотрел в сторону двери. — А вот и он. Твоя мечта сбылась.

Робин обернулась. Страйк, пригнувшись, входил в зал: над густой щетиной таращился серо-лиловый глаз, одно ухо, заштопанное врачами, оттопырилось. Встретившись с ней взглядом, он поднял забинтованную руку и изобразил скорбную улыбку, а потом содрогнулся.

— Робин, — сказал Мэтью, — послушай, мне надо...

— Буквально через минуту, — ответила она с такой радостью, какой не проявляла — и это было заметно — весь день.

— Прежде чем вы начнете разговор, я должен сказать...

— Мэтт, я тебя умоляю, неужели это так срочно?

Никто из их родни не хотел задерживать Страйка, чье телесное повреждение делало его неспособным даже на рукопожатие. Выставив перед собой забинтованную руку, он заковылял вдоль вереницы гостей. Джеффри уставился на него в гневе, и даже мать Робин, которая неплохо отнеслась к Страйку во время их единственной встречи, не смогла изобразить улыбку, когда он приветствовал ее по имени. Казалось, на них смотрят все собравшиеся в банкетном зале.

— К чему такие театральные эффекты? — улыбнулась Робин, глядя в его опухшее лицо, когда он наконец остановился перед ней; в ответ Страйк усмех-

нулся, хотя это было болезненно: но незапланированная поездка за две сотни миль того стоила, хотя бы потому, что сейчас он видел адресованную ему улыбку. — Ворвался в церковь, как ураган. Достаточно было бы телефонного звонка.

— Кстати, прошу прощения, что сшиб вазон с цветами, — проговорил Страйк, обращаясь и к ней, и к пограничному Мэтью. — На самом деле я звонил, но...

— У меня с утра отключен телефон, — сказала Робин, понимая, что задерживает остальных, но ничуть не переживая. — Вы можете нас обойти, — игриво сказала она высокой рыжеволосой женщине — начальнице Мэтью.

— Да нет, я звонил пару дней назад, — объяснил Страйк.

— Что? — поразились Робин; Мэтью тем временем начал чопорную беседу с Джеммаймой.

— Причем не один раз, — добавил Страйк. — И голосовое сообщение оставил.

— Никаких пропущенных звонков я не видела, — сказала Робин, — и уведомлений тоже.

Вокруг нее болтали и чокались десятки гостей, проникновенно играл струнный квартет, но все эти звуки вдруг стихли, как будто ее плотным колпаком накрыло потрясение.

— А когда... когда ты... два дня назад?

С момента приезда в родительский дом она занималась бесконечными и утомительными свадебными приготовлениями, но то и дело тайком проверяла телефон, надеясь на звонок или эсэмэс от Страйка. В час ночи, уже лежа в постели, она хотела просмотреть историю звонков — вдруг какой-нибудь вызов остался незамеченным, — но обнаружила, что вся история стерта. Поскольку в последние две недели Робин практически не спала, она заключила, что от усталости ошиблась, нажала не на ту кнопку и случайно стерла...

— На банкет я не останусь, — шепнул Страйк. — Просто хотел извиниться и попросить тебя...

— Нет уж, останься. — Она схватила Страйка за локоть, будто останавливая беглеца.

У Робин так колотилось сердце, что ей стало трудно дышать. Она чувствовала, как побледнела; зал, полнившийся голосами, ходил ходуном.

— Прошу, останься, — повторила она, не отпуская его руки и не обращая внимания на Мэтью, который закипал рядом с ней. — Мне нужно... мне нужно с тобой поговорить. Мама! — позвала она.

Из общей цепочки гостей тут же вышла Линда. Казалось, она предвидела, что дочь ее позовет, и совсем этому не радовалась.

— Найди, пожалуйста, место для Корморана, — попросила Робин. — Хорошо бы за одним столиком со Стивеном и Дженни.

Без тени улыбки Линда повела за собой Страйка. В очереди остались считанные пары, которые еще не поздравили молодых. Но у Робин больше не было сил растягивать губы в улыбке и пустословить.

— Почему не проходили звонки от Корморана? — спросила она у Мэтью, даже не уделив внимания всеми забытому старичку, который понуро зашаркал к своему столику.

— Я как раз хотел тебе сказать...

— Почему не проходили звонки, Мэтью?

— Робин, давай отложим этот разговор.

Правда обрушилась на Робин так внезапно, что у нее пересохло в горле.

— Да ведь это *ты* стер все вызовы, — бросила она, делая для себя один неприятный вывод за другим. — Когда я вернулась из туалета на заправке, ты спросил, какой у меня ПИН-код. — Оставшейся паре гостей хватило одного взгляда на жениха и невесту, чтобы без звука проскользнуть мимо них в зал. — Ты забрал мой теле-

фон. Сказал что-то насчет медового месяца. Значит, ты прослушал адресованное мне сообщение?

— Да, — ответил Мэтью. — И стер.

Заложившая ей уши тишина сменилась пронзительным воем. Робин была вне себя. Она стояла в белом кружевном платье (которое с самого начала пришлось ей не по душе, да к тому же потребовало переделки: слишком много времени минуло после первоначальной даты бракосочетания, отложенного в силу печальных событий) и только из чувства долга перед гостями не сорвалась с места. Боковым зрением она видела сотню расплывающихся лиц. Проголодавшиеся гости томились в ожидании.

Робин отыскала глазами Страйка: тот стоял к ней спиной, пока для него по распоряжению Линды готовили место за столом старшего брата Робин, Стивена. Робин представила, как сейчас подбежит к Страйку и скажет: «Пошли отсюда». И что он ответит?

Ее родители потратили на сегодняшнее торжество не одну тысячу фунтов. В переполненном зале гости не могли дождаться, когда же молодые займут места за центральным столом. Робин, бледнее своего подвенечного наряда, последовала за Мэтью, и зал взорвался аплодисментами.

Создавалось впечатление, что дотошный официант нарочно причиняет неудобства Страйку. Тот возвышался на виду у всех, но ему даже не предложили сесть. Линда, которая оказалась на голову ниже сыщика, не отходила ни на шаг, пока молодой подавальщик раз за разом без надобности поправлял десертную вилочку и поворачивал тарелку, заботясь о гармонии декора. Лицо Линды было полуприкрыто полями серебристой шляпки, но Страйк заметил, что новоиспеченная теща злится.

— Я вам очень признателен, — выдавил он, когда официант наконец убрался с глаз долой, но стоило ему

взяться за спинку стула, как Линда деликатно коснулась ладонью его рукава.

Это мягкое касание сковало его крепче наручников: от Линды исходили токи материнского возмущения и оскорбленного гостеприимства. Ее сходство с дочерью было поразительным. Даже потускневшие волосы еще сохраняли золотисто-рыжий оттенок, а поля серебристой шляпки подчеркивали цвет серо-голубых глаз.

— С какой целью вы приехали? — процедила она, хотя официанты уже разносили закуски.

Но по крайней мере, вид деликатесов отвлек большинство гостей, дав им повод для обсуждения долгожданного банкета.

— Чтобы попросить Робин вернуться к работе.

— Вы сами ее уволили. Она была просто убита.

В ответ на такой упрек он мог бы сказать многое, но предпочел этого не делать из уважения к Линде, которая тяжело переживала несчастный случай, постигший ее дочь.

— Работая у вас, она трижды рисковала жизнью, — заливаясь краской, продолжила Линда. — Трижды.

Не покривив душой, Страйк мог бы ответить, что готов взять на себя ответственность только за один из трех случаев. Второе нападение на Робин произошло исключительно из-за нарушения его четких инструкций, а в третий раз она попросту проявила самостоятельность, тем самым подставив под удар как расследование убийства, так и налаженный бизнес.

— Дочь потеряла сон. Я слышала, как по ночам она плачет.

У Линды горели глаза. Отпустив рукав Страйка, она прошептала:

— У вас дочери нет. Вам не понять наших чувств.

Не успел он собрать в кулак свои угасающие силы, как Линда решительно зашагала к центральному столу. Робин, как он заметил, даже не прикоснулась к закускам. Он поймал на себе ее тревожный взгляд: она как

будто боялась, что ее бывший босс развернется и уйдет. Но тот, едва заметно вздернув брови, все же занял отведенное ему место.

Крупная фигура слева от него зловеще шевельнулась. Повернув голову, Страйк увидел почти такие же глаза, как у Робин, а в придачу — воинственный подбородок и лохматые брови.

— Вы, наверное, Стивен, — заговорил Страйк.

Старший брат Робин буркнул что-то невнятное, но не оттаял. Им двоим, рослым и плечистым, рядом было тесно; потянувшись за пивом, Стивен задел локтем Страйка, на которого глазели все соседи по столу. Неопределенно-приветственным жестом Страйк поднял правую руку, вовремя не сообразив, что она забинтована, и лишь привлек к себе еще больше внимания.

— Здравсте, я Дженни, жена Стивена, — обратилась к нему статная брюнетка. — Хотите?

Над тарелкой мужа она протянула Страйку свой нетронутый высокий стакан пива. На радостях Страйк готов был ее расцеловать, но, видя мрачность Стивена, ограничился сердечным «спасибо» и тут же влил в себя полпинты. Краем глаза он заметил, как Дженни шепчет что-то на ухо мужу. Тот, дождавшись, когда Страйк опустит стакан, прочистил горло и ворчливо бросил:

— Надо думать, поздравлений ждете.

— С чем? — удивился Страйк.

Лицо Стивена едва заметно смягчилось.

— С поимкой этого душегуба.

— А ну его.

Взяв вилку левой рукой, Страйк атаковал суфле из лосося. Прикончив его в два счета, он заметил, как развеселилась Дженни: вероятно, от него ожидали более светских застольных манер.

— Извините, — пробормотал он. — Оголодал на свежем воздухе.

В глазах Стивена мелькнуло подобие одобрения.

— Разве этим наешься? — фыркнул он, изучая собственную порцию суфле. — Воздух один.